

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В ЛИРИКЕ ПОЭТОВ-СИМВОЛИСТОВ

Кондратенко А.А.

Email: Kondratenko6117@scientifictext.ru

Кондратенко Анна Александровна – кандидат филологических наук,
кафедра славянской филологии,
Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Аннотация: в настоящей статье предпринята попытка систематизации и классификации некоторых культурно-исторических пластов концепта «смерть», относящихся к дохристианским представлениям славянских народов о божестве смерти, а также анализа отражения данных представлений в творчестве поэтов и художников символистов, в частности: Ф. Сологуба, Г. Иванова, А. Регат, Н. Гумилева, И. Эренбурга, Х. Симберга, с целью установления параллелей между анализируемыми произведениями и обозначенными пластами - культурно-историческими пластами концепта «смерть».

Ключевые слова: символисты, символизм, славянская культура, смерть, концепт смерти, дохристианские верования.

THE CONCEPT OF "DEATH" IN THE LYRICS OF SYMBOLIST POETS

Kondratenko A.A.

Kondratenko Anna Alexandrovna – PhD in Philology,
SLAVIC PHILOLOGY DEPARTMENT,
IVANE JAVACHISHVILI TBILISI STATE UNIVERSITY,
TBILISI, GEORGIA

Abstract: the article attempts to systematize and classify some cultural and historical layers of the concept of "death" related to the pre-Christian ideas of the Slavic peoples about the goddess of death, as well as to analyze the reflection of these ideas in the works of poets and symbolist artists, in particular: F. Sologub, G. Ivanov, A. Regat, N. Gumilev, I. Ehrenburg, H. Simberg, in order to establish parallels between the analyzed works and the cultural and historical layers of the concept of "death".

Keywords: symbolists, symbolism, Slavic culture, death, the concept of death, pre-Christian beliefs.

УДК 1751

Поэзия во все времена относилась к элитарной сфере искусства в целом, и литературы в частности, а поэты считались пророками, именно за свойственную им сверхчувствительность и способность глубинного и всеобъемлющего восприятия бытия. Одним из самых мистических направлений в поэзии является символизм [Символизм в русской литературе].

В творчестве поэтов-символистов мы находим черты, коими наделено славянское языческое божество, отождествляемое со смертью - Марена. Возможность подобных проявлений, на наш взгляд, обусловлена тем, что «орудием» познания поэтами-символистами выбран символ, многогранный, всеобъемлющий и, безусловно, несущий собой наслоения культурного опыта и знаний самых отдаленных эпох человеческой истории, в нашем случае, истории славянских народов [Серебряный век русской поэзии].

В стихах поэтов символистов мы часто встречаем интересные для нашего исследования образы. В частности, интересно разворачивание концепта смерть. Мы находим много самых разных пластов данного концепта и при попытке их систематизации можем говорить о том, что наиболее выражены из них:

- смерть в образе весны, невесты;
- смерть в образе ночи (лунный серп как символ серпа для жатвы);
- смерть – зима;
- смерть – сон;
- танец смерти;
- сад смерти.

В статье «Концепт смерть в славянских дохристианских верованиях и поэтике символистов (к постановке вопроса)» нами были подробно разобраны как свидетельства, позволяющие предполагать наличие у древних славян божества смерти – Марены, так и ее связь со свадебной обрядностью [Кондратенко, 2017: 177]. Будучи ограничены рамками данной статьи, мы подробнее остановимся на последующих пластах приведенной выше классификации.

Итак, отождествление ночи со смертью является устоявшимся пластом подобных представлений. Мы находим тому множество примеров. Так, например, у Ф. Сологуба мы читаем следующие строчки:

«От зноя не стремится в тень (душа)

И вечной ночи не торопит, -

Настанет неизбежный день

И будет кубок жизни допит»

[Гаспаров, 2001: 64].

Смерть предстает перед нами в облике вечной ночи. Душа лирического героя по его же словам не торопит приближения вечной ночи, т.к. вследствие этого приближения «... будет кубок жизни допит», то есть приближение вечной ночи, приведет к окончанию жизни земной, при этом, герой отмечает, что момент этот неотвратим – «Настанет неизбежный день», что в свою очередь указывает не на абстрактную гибель, а на абсолютно реальную смерть, которой не избежать ничему живому.

Интересно также и то обстоятельство, что довольно часто мы встречаем примеры персонификации ночи.

«А холодная ночь одежды

Уронила на мокрый песок»

[Антология Русской поэзии Серебряный век, 2006: 560]

В данных строках В. Шилейко, налицо признаки антропоморфизма. Здесь ночь, предстает перед нами в образе пленительной женщины, и каким бы прозаичным это не казалось, именно благодаря «одеждам», которые ночь с себя сбрасывает, - «роняет», и становится зримым данный образ – ночи-женщины.

При этом, примечательно, что ночь, обретя образ женщины, не теряет своей мистической, божественной сути. Ее холодность, - «холодная ночь», говорит о том, что речь идет не о человеке, а о мистическом существе, причем, т.к. холод и темнота ассоциируется у большинства людей с явлениями негативного толка, - существа, безусловно, «темной» природы. Если же говорить о божествах, то ночь, безусловно, будет отнесена к темным, злым богам.

Здесь, нельзя не коснуться образа Марены – славянской богини смерти. В предыдущей работе мы подробно разобрали приписываемые ей черты, среди них нас особо заинтересовала связь между богиней смерти и жатвой. На теме плодородия земли, «заботе» о всходах и т.п. вещах мы более подробно остановимся, когда станем разбирать символику сада смерти и аграрных работ, коим она благоволит. Жатва интересует нас тем, что знаменует собой сбор урожая, завершение цикла аграрных работ. Не только в поэзии, но и в самых разных видах искусства, мы встречаем отождествление жатвы с окончанием человеческой жизни.

«О, Господь благой, **колосьев много**

Кончи жатвою кровавый год»

[Антология Русской поэзии Серебряный век, 2006: 555]

Здесь, примечательно, что орудием этой жатвы является серп, в то время как серпом называют и лунный месяц. Ночь, мрак, холод, страх, месяц, по форме напоминающий серп, – всего этого более чем достаточно для того, чтобы сделать ночь темным божеством и связать ее образ с образом смерти.

«**Коромыслом серп двурогий**

Плавно по небу скользит»

(С. Есенин) [Антология Русской поэзии Серебряный век, 2006: 632]

В этих строках С. Есенина мы видим, как смерть – серп, жатва, скольжение по небу, словно ладья по воде, ладья, как мы знаем по мифам в загробный мир, органично сочетается с плодородием, двурогость - ассоциация со скотом, коромысло – то, благодаря чему в дом будет принесена тяжелая ноша, достаток. Все это замыкает на себе ночь, т.к. месяц в большинстве случаев отчетливо различим только ночью. Подобные взаимопереходы столь различных явлений вызывают большой интерес.

Танец смерти так же довольно часто встречается в поэзии оговоренного периода.

«Будет ветер сосать их ржанье,

Панихидный справляя пляс.

Скоро, скоро часы деревянные

Прохрипят мой двенадцатый час!»

(С. Есенин) [Антология Русской поэзии Серебряный век, 2006: 639]

Веселье на похоронах (танец одна из его форм) так же, как и инсценированный разгул, играет особую роль. Смеху приписывалась особая магическая сила, которая должна была способствовать поднятию и усилению производительных сил природы и обеспечению уходящему новое возрождение, новое возвращение к жизни, воплощенное в любой новой форме [Погребальная обрядность восточный славян и русского народа].

В этом ключе по-другому читается стихотворение Георгия Иванова:

«**Все образует в жизни круг –**

Слиянье уст, пожатые рук.

Закату вслед встаёт восход,

Роняет осень зрелый плод.

Танцуем легкий танец мы,

При свете ламп - не видим тьмы.

Равно - лужайка иль паркет –

Танцуй, монах, танцуй, поэт»

По мнению поэта, все взаимосвязано, все повторяется. Танец, словно сама жизнь, пока длится танец, человек жив.

Танец смерти, который также называли «пляска смерти» - является также средневековой аллегорической концепцией всепобеждающей смерти, перед которой все равны. Этот танец (персонифицированная Смерть ведет к могиле представителей пляшущих всех сословий общества) можно встретить в драме, поэзии, музыке и изобразительном искусстве Западной Европы, главным образом, в конце Средневековья.

Одним из самых ранних известных примеров танца смерти является серия рисунков (1424-1425), которые ранее были размещены на «Кладбище невинных» в Париже. В этой серии рисунков изображена вся иерархия церкви и государства, из которой сформирована танцующая процессия, в которой живые

чередуются со скелетами и трупами, и которых Смерть ведет к последнему пристанищу. Эти работы являются суровым напоминанием о неизбежности смерти и призывом к покаянию. Парижские картины пляски смерти были разрушены в 1699 году. Концепция танец смерти постепенно сошла на нет в эпоху Возрождения, но данная тема получила новую жизнь во французской романтической литературе и музыке XIX-XX веков [Танец смерти]. Должно быть благодаря этому, мы встречаем этот мотив в творчестве символистов.

Здесь нельзя не упомянуть о картине «Танцы на набережной», принадлежащей кисти финского художника-символиста Хуго Симберга (Hugo Simberg). На его картинах жизнь ходит бок о бок со смертью, добро противостоит злу, а ангелы ведут извечную борьбу с демонами, напоминая зрителю, что всё в этом мире уравновешено и скоротечно... [Противоречивый символизм].

«Сад смерти» – ещё одна впечатляющая работа автора, в которой главные герои – облачённые в чёрные одежды три скелета, заняты в чистилище сортировкой человеческих душ, стилизованных под растения, нуждающихся в постоянном уходе. Таким образом, художник пытался показать то, что даже смерть способна испытывать чувства, заботясь о столь хрупких цветах, олицетворяющих людские души. Данная работа представляет большой интерес для нашего исследования, т.к. является крайне символичной. На наш взгляд, она неразрывно связана с темой плодородия земли, цикличностью бытия, проявленную в процессах увядания и нового рождения.

**«Зеленою кровью дубов и могильной травы
Когда-нибудь станет любовников томная кровь...»**

(Г. Иванов) [Антология Русской поэзии Серебряный век, 2006: 610]

В этих строках поэт говорит о загробном воплощении усопших в травах и деревьях.

Н. Гумилев в стихотворении «Заклинание» создает яркий образ некоей мистической сущности. Поэт прямо не называет ее, но по многим признакам, в описываемой героине легко узнать смерть. Поэт называет героиню своего произведения «царицей беззаконий» и является она благодаря неким магическим действиям со стороны «юного мага». По всему видно, что творится обряд: «аромат сжигаемых растений» открывает некие «пространства», в которых мы видим «сумрачные тени» в самых разных обликах и «огненные столбы». При этом героиня наделена непомерной властью: «гордые военные трибуны, / опускали взоры как рабы», «а царица, тайное тревожа, / мировой играла крутизной». При этом мы снова находим черты антропоморфизма: «и ее атласистая кожа / опьяняла снежной белизной», «маленькие груди» словно не предназначенные для материнства, «браслеты вытянутых рук», «бледная царица» - эти черты роднят героиню с образом смерти. Подтверждение этому мы находим и в последних строках стихотворения: «Бледная царица уронила / Для него алеющий цветок». Смерть, как мы убедились на самых разных примерах, всегда окружена цветами, всходами, темой жатвы, весны, свадьбы, как переходного обряда, инициации, плодородия земли, но не материнства. Алый цвет цветка отсылает нас к крови, смерти. Ведь «юный маг» «отдал все царице беззаконий, чем была жива его душа», то есть, как мы полагаем, распрощался с жизнью, «царица» же почтила его уход преподнесением цветка.

**«О, девушки, какая сила
В изломе вялых лепестков!
Я так же белый плащ носила,
Не знала пламенных оков.
Но чары нет неотразимей
Мерцаний яда в том саду,
Куда зашла тропой незримой,
Где я была... куда иду...»**

(А. Редгат) [Антология Русской поэзии Серебряный век, 2006: 627]

По словам поэтессы «излом вялых лепестков» представляет собой невероятную силу, излом и вялость, иначе говоря смерть цветка – есть сила невероятная. Далее мы видим некий сад, в котором находим чару (чашу) с ядом, при этом поэтесса характеризует ее следующим образом: «но чары нет неотразимей». Мы по всему видим, что увяданье, чаша с ядом и некий сад, в котором лирическая героиня уже когда-то была, и куда идет по незримой, невидимой тропе. Незримая тропа, как жизненный путь, сад, в котором все мы уже были, и чаша яда, как переход в этот сад. Снова образ смерти и увядания пленителен, т.к. цикличен, а значит, смерть есть бессмертие. При этом мы снова видим белый цвет, так часто встречаемый в стихотворениях, касающихся тематики смерти.

«... Дрогнули тела, повалились рядами,
Сокрушенные зорким огнем.

**К ночи пришли влюбленные девы
Грудью прильнули к вспаханному полю,
К полю сытому от цельного хлеба**

И от соли.

(Нежные губы жжет

Смертный пот!)

А в деревне выла собака,

Вспоминая жильё,
Выла, что что-то было,
И что иссякло
Все»

(И. Эренбург)

[Антология Русской поэзии Серебряный век, 2006: 549]

Выше нами было разобрано тождество смерти и ночи, в данном стихотворении мы вновь сталкиваемся с темой ночи и смерти и, как в предыдущем примере, видим, что данные темы так же переплетены с темой плодородия. В данном стихотворении, мы сначала видим гибель солдат, затем, видим влюбленных девушек, которые пришли плакаться ночи и припали к вспаханному полю, полному жизни. Вой собаки, известный символ, он несет собой смерть, горе и т.п.

Таким образом, мы снова видим в смерти жнеца. Смерть - жница, садовник (садовница), ночь, зима (холод).

На наш взгляд, разобранные нами примеры доказывают многоликость смерти, что в свою очередь, расширяет простор для исследований, претендующих на объективность.

Список литературы / References

1. *Гаспаров М.Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. М.: «Фортуна Лимитед», 2001. 288 с.
2. *Дмитриенко С.* Антология Русской поэзии Серебряный век. М.: Эксмо, 2006. 720 с.
3. *Кондратенко А.* Концепт «смерть» в славянских дохристианских верованиях и поэтике символистов (к постановке вопроса) // Польский Кавказ. Том 2. Тб.: «Универсал», 2017. 204 с.
4. *Кондратенко А.* Черный и белый цвет в славянских дохристианских верованиях о божестве смерти (к постановке вопроса) // Наука и образование сегодня, 2019. № 8 (43). С. 97–99.
5. Погребальная обрядность восточных славян и русского народа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xreferat.com/81/2051-3-pogrebal-naya-obryadnost-vostochnyh-slavyan-i-russkogo-naroda.html/> (дата обращения:09.09.2021).
6. Противоречивый символизм: легендарный «Раненый ангел» и двоякий «Сад смерти» 2016 [Электронный ресурс]. <http://www.kulturologia.ru/blogs/170816/30900/> (дата обращения:09.09.2021).
7. Серебряный век русской поэзии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5576691/> (дата обращения:09.09.2021).
8. Символизм в русской литературе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruslit.info/silver-century/simvolizm/> (дата обращения:09.09.2021).
9. Танец смерти 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.4dancing.ru/blogs/130715/2217/> (дата обращения:09.09.2021).